

Размышление на Гурзуфском пляже

Рябой и усатый вокруг пальца обвел
Соратников гиблые орды,
А сам, как Сусанин, Россию завел
На путь безнадежный и гордый.

Стать светочем мира темнице велел,
И в сонмище роб полосатых
Своих утомленных сограждан одел,
Как выбритых, так и усатых.

Во тьму уголовную мир погрузить
Ему удалось лишь отчасти.
А, став властелином, всего лишь попить
Не смог он в минуту несчастья.

Запуганной челяди в луже мочи
Предстал он, недвижимый и страшный.
Но все же отравленной славы лучи
Вонзил в нас тот идол вчерашний.

Рябой и усатый с портретов глядит
В мундире присвоенной славы.
И кровью солдатскою щедро омыт
Манит нас, как ангел лукавый.

Другой, с страшной челкой, с паучьим гербом,
Обведший его вокруг пальца,
А после – сожженный под пушечный гром,
Под звуки не венского вальса,

Он тоже не умер. Осиновый кол
Мы в сердце его не вонзили.
Он вновь пробудился зловонен и гол.
И где? На просторах России.

Где от поколений остались лишь пни,
И, словно на страшном погосте,
Куда ни посмотришь, и где ни копни
Белеют невинные кости.

Мерещатся оба в обличьях других,
В чалмах, с бородами по пояс.
Чтоб пролитой крови поток не утих,
И в ней мы бродили по пояс.

Доколе ж нас мучить осмелится бес?
Неужто, они и дороги
Не пустят пройти заколдованный лес
И ложные сбросить тревоги?

...Над нами колышется свод голубой,
И берег задумчиво лижет прибой.